

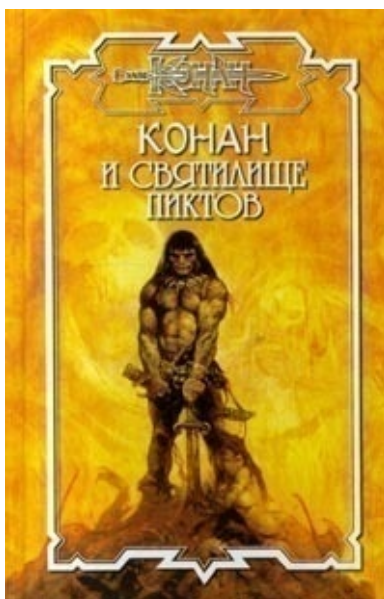
КОНАН

И СВОТРАНИЩЕ
ПАРТОВ

Annotation

...В той долине с незапамятных времен обитает нечеловеческое племя, выполняя особую и очень важную миссию. Люди зовут их Бессмертными. Они охраняют свой Цветок...и именно его нужно украсть Конану по заданию офирского колдуна...

Джей Болтон

Черное пламя

(«Северо-Запад Пресс», 2003, том 59 «Конан и Святилище Пиктов»)

— Просперо!

— М-мм?

— Ты что, спишь, старый гриб?

— Нет, мой король! Точно, спишь. И спросонок спутал меня с Нумедидесом, раз называешь королем, когда вокруг нет ни души.

— Конан, твой иноходец так ровно идет...

— Оправдывайся! Стареешь, друг, только старики могут спать в самых неподходящих местах. На крупе лошади, например, держась за пояс своего короля.

— Прошу простить, ваше...

— Ты опять?!

— Молчу, молчу! — улыбаясь, сказал высокий черноглазый пуантенец, который действительно, был уже далеко не молод. Просперо, граф Пуантена — богатейшей провинции Аквилонии, недавно встретил свою пятьдесят шестую весну. Некогда стройный, широкоплечий,

сейчас он сильно сутулился и заметно погрузнел, а черные роскошные локоны поседели и стали реже на макушке.

Тем не менее в его движениях чувствовалась былая сила и ловкость. Граф, скорчившись, сидел на крупе лошади, за спиной Конана Великого, короля Аквилонии.

Позиция эта, не слишком удобная по многим причинам, могла вызвать сочувствие у любого, но только не у короля.

Гигантского роста, могучий, как вековой дуб, Конан до сих пор был вынослив, словно вол, несмотря на то, что разменял уже седьмой десяток лет.

На смуглом, иссеченном шрамами лице нельзя было заметить не малейших следов усталости, хотя король провел в седле весь день.

— Слушай, Конан, а почему ты меня все-таки разбудил?

— По трем причинам. Первая. Мне стало скучно и захотелось просто поболтать. А начну я с того, что прямо тебе скажу: ты скверный наездник, Просперо, раз допустил, чтобы твоя гнедая сломала ногу на ровном месте.

— О, Митра! Тот бурелом ты называешь "ровным местом"!

— Бурелом?! Ты умудрился отыскать единственную колоду в этом чудесном, ухоженном парке... И оленя того мы упустили только из-за тебя.

— О, Митра!.. — снова возопил Просперо, не на шутку обиженный.

— Ладно, не злись. Вторая причина гораздо серьезнее.

— Что такое?

— Не найдется ли в твоей фляге глотка вина?

— Конечно! — рассмеялся Просперо, передавая Конану почти полную флягу.

Король закинул голову, и жидкость, булькая, поспешила переместиться из одного сосуда в другой, гораздо более вместительный.

— В горле пересохло, сил нет, — извиняющимся голосом признался Конан. — А моя фляга слишком мала. В следующий раз возьму побольше.

— Ага, бери уж сразу несколько. А что еще?

— Что?

— Ну, третья причина?

— А! Видишь ли, друг, я, похоже, заблудился.

Некоторое время Просперо молчал, тупо уставившись в затянутую зеленым бархатом спину короля и пытаясь осознать услышанное. Потом встрепенулся и завертел головой.

— Шутишь? — он нервно усмехнулся, пытаясь в лучах предзакатного солнца найти хоть какие-нибудь ориентиры. — Ты — киммериец, заблудился в местах, где бывал тысячу раз? И кто же после этого старый гриб — ты или я?

— Ну, положим, погоня за оленем увела нас туда, где ни ты и ни я не бывали ни разу: если не ошибаюсь, то чуть ли не к границе с Аргосом, которая в этих местах довольно условна — дремучий лес, бурелом...

— Мне что-то помнится, ты говорил про парк. А?

— Ничего, я так. Все равно, Конан, выехали мы из этой чащи недалеко от Алиманы, еще были видны вершины гор... Да они и сейчас видны!

— Верно.

— Так, в чем же дело?

— А в том, что пока ты спал, я доехал уже до знакомых мест, здесь мы охотились на кабана в позапрошлом году.

— Вот и замечательно!

— Я тоже так подумал. Там еще неподалеку была деревушка... забыл название.

— Тиера, — тут же подсказал граф.

— Ну да. И я решил немного сократить путь. Чтобы не ночевать под открытым небом и до темноты добраться до постоянного двора. Из деревни бы послали гонца за нашими слугами, которые не могут угнаться за своим королем и оставляют его одного в непролазной чащобе в компании с засыпающим на ходу старым графом Пуантенским. Я не мог ошибиться!.. Но я ошибся. Деревни нет, нет постоянного двора, гонец пусть отдыхает, а свита будет дрожать от страха, что я снимаю с них головы за нерасторопность.

— Ну, и где же мы? — Просперо продолжал озираясь.

— В чудесном, тихом и очень красивом месте. Эх, жаль, что я не могу складывать песни. — Конан остановил лошадь. — Слезай, друг! Вот ручей, вот сочная трава для коня, вот камень, что послужит нам столом. Надеюсь, у нас в седельных сумках осталось что-нибудь на ужин...

Просперо соскочил с коня, походил, разминая затекшие ноги.

— Да, — сказал он, оглядывая окрестности. — Место прекрасное. Я даже не жалею, что мы сбились с пути. Лучше провести ночь здесь, чем кормить клопов на постоянном дворе.

Местность, в которой они остановились, действительно, заслуживала восторженных строк поэта. Заходящее солнце своими нежными лучами ласкало лежащую перед охотниками небольшую долину, заросшую густой травой. На склонах сплошной стеной темнел лес, над ним — луга и, наконец, высоко-высоко, — но казалось, что совсем рядом, протяни только руку, — начиналось царство дикого камня. Отвесные скалы упирались в вечернее небо и казались розовыми в свете заката.

Лес рос и в долине, его опушка была совсем недалеко от путников: дубы и клены тихо шелестели листвой, когда вечерний ветерок игриво пробегал по их кронам.

Чуть в стороне серебрилось небольшое озеро с необычайно синей, скорее бирюзовой водой. Из него вытекал звенящий ручей, на берегу которого Конан остановил коня.

Воздух был чист и прозрачен, словно тончайший хрусталь. Вокруг стояла умиротворенная тишина, только невидимый соловей выводил свою изысканную балладу — извечный предмет зависти поэтов всех времен.

Конан спрыгнул с коня и, нахмурившись, огляделся вокруг.

— Ты совершенно прав, друг мой, — не сразу откликнулся он на восклицание Просперо. — Здесь прекрасно!

— Клянусь своим титулом! — восторженно крикнул граф. — Я прикажу выстроить здесь охотничий домик, и когда почувствую, что уже ни на что не годен, поселюсь на берегу этого дивного озера... Послушай, Конан, если ты в самом деле решил отказаться от трона в пользу сына, то вот чудеснейшее место, где мы можем состариться и умереть...

Конан с улыбкой покачал головой.

— Нет, друг, — сказал он с необычной для него мягкостью, — такой конец не для меня. Я, действительно, скоро откажусь от престола и объявлю сына королем Аквилонии. Мальчик достоин меня, и страна окажется в хороших руках... Дело это решенное. Но тихо состариться, даже в таком прекрасном уголке... Нет! Я еще могу крепко держать меч в руках.

— Ты хочешь сказать?..

— Да, я хочу собрать старых вояк, таких же как я, и снова оседлать коня... Или поднять паруса! Мы уйдем в неизведанные дали и погуляем там под старость лет. Кром призовет меня не из постели, а с палубы корабля!

Просперо сокрушенно вздохнул.

— Ты так и остался варваром, Конан.

— Да! И горжусь этим. Единственная смерть, достойная мужчины — это смерть в бою.

Коня расседлали, достали из седельных сумок припасы, которых оказалось вполне

достаточно, чтобы утолить голод двух человек.

Пока разводили костер, почти совсем стемнело.

Конан последний раз окинул взглядом долину и, сев рядом с Просперо, с рассеянным видом потянулся к копченым бараньим ребрышкам.

— Тебя что-то тревожит? — спросил граф.

— Что?.. Нет. — Конан впился крепкими зубами в мясо, задумчиво прожевал и проглотил изрядный кусок. — Во всяком случае, никакой опасности я не чувствую, если ты об этом. Просто... Просто не могу отделаться от мысли, что я тут не в первый раз.

— И когда же ты здесь был? В позапрошлом году?

— Нет. Раньше. Много раньше!.. А может и не был. Знаешь, я столько скитался по свету, что немудрено спутать одно место с другим. Может, я видел подобное где-нибудь в Кхитае!

Конан замолчал и больше за весь ужин не произнес ни слова. По его нахмуренным бровям и отсутствующему взгляду Просперо понял, что король сейчас перелистывает страницы своей юности, и тоже молчал, не желая ему мешать.

— Кром! Бывает же так — какая-то мелочь, а не дает покоя, — отмахнулся Конан от привязавшейся мысли.

— А что ты мог здесь делать?

— Не помню! А что, по-твоему? Не цветочки же собирал!

Едва эти слова сорвались с его губ, как Конан вдруг страшно изменился в лице. Кинжал, которым он помогал себе за едой, выпал из его пальцев, глаза уставились куда-то за спину Просперо.

Граф мгновенно вскочил, оборачиваясь и выхватывая шпагу из ножен.

Никого.

— Конан? Во имя Митры...

— Цветок!.. — услышал Просперо хриплый голос короля. — Лепестки, окрапленные кровью, отворяющие Дверь Миров, и... Таврония! Кром!

Король вдруг охватил голову руками и застонал.

Перепуганный Просперо кинулся к нему.

— Конан... Ваше Величество! Что случилось?! Конан, разорви тебя Сет, приди в себя, наконец!

Конан медленно отнял руки от лица, и граф увидел, что король Аквилонии все-таки стар.

— Все в порядке, Просперо. Я просто вспомнил... Лучше бы не вспоминал.

— О чем?

— О том, что произошло со мной на берегах этого озера... в этом лесу. Тогда я подходил сюда с другой стороны, с востока, поэтому и не признал его сразу. Столько лет прошло... Да и не в годах дело. Воспоминания о тех днях были потеряны для меня — я не помнил почти ничего до этого дня! А сейчас...

— Вспомнил?

— Не все... Но я хочу вспомнить все до конца! И почему-то боюсь этого... Ложись-ка лучше спать, Просперо.

Граф не прекословил. Когда Конан говорил таким тоном, спорить с ним было бесполезно и небезопасно.

Снедаемый любопытством и, отчасти, беспокойством, Просперо улегся на расстеленный плащ. Усталость давала о себе знать, и графа сразу потянуло в сон. Последнее, что он видел, был Конан, сидевший на камне, сутулый, огромный, освещенный пламенем костра. Голубые глаза короля — глаза варвара-киммерийца — неотрывно смотрели на пляшущие языки пламени, губы беззвучно что-то шептали.

Конан на дух не переносил ни колдунов, ни их темных дел. Других дел, кроме темных, по разумению семнадцатилетнего варвара, у колдунов и чародеев просто и быть не могло.

Поэтому, когда к его столу подсел мелкий, невзрачный старикашка и с невероятно мерзким хихиканьем представился: Гонза, "придворный маг Правителя Офирского", настроение у киммерийца сразу испортилось.

А так хорошо было, пока не появился этот плюгавый старик! Карманы полные денег — Конан в прошлую ночь потрудился на славу — красивая девчонка, устроившаяся у него на коленях, заискивающая улыбка хозяина таверны, который за каждую кружку вина получал стоимость чуть ли не целого обеда, сладостный для слуха варвара шум постоянного двора.

С приходом колдуна, Конан почувствовал себя отрезанным от всего этого.

Девчонка, прижимавшаяся к его широкой груди, куда-то исчезла, едва чародей открыл свой вонючий рот с остатками гнилых зубов, даже шутить в зале стали поменьше — но это, возможно, Конану просто показалось.

Зато хозяин сразу подскочил к ним с резвостью необъезженного жеребца, перегибаясь пополам в поясице, но сказать ничего не мог, только губами шлепал и выкатывал глаза.

— Кувшинчик лучшего вина для моего друга. Ты позволишь называть тебя другом, юноша?

Конан почувствовал острое желание проверить на прочность череп колдуна. Ну, хотя бы вот этой обглоданной костью.

— Мой друг, — продолжал между тем старик, прежде всего, хочу выразить свое восхищение хи-хи! Твоя слава докатилась от Арэнджуна и Шадизара до наших мест. В таком юном возрасте и так — хи-хи! — прославиться! Говорят, что ты заткнул за пояс самого Тауруса — немедийца, прозванного королем воров. Я в это — хи-хи! — не верил...

— Почему это? — набычился Конан: "В конце концов, можно двинуть этого червяка кулаком... а то костью, пожалуй, и убить можно — разбирайся потом со стражниками".

— О, сейчас я вижу, что был не прав! Одного взгляда достаточно, чтобы — хи-хи!..

— Слушай, колдун, или ты прекратишь свое хихиканье или, клянусь Кромом, я забью его тебе в глотку вместе с остатками зубов, — зарычал Конан и стал вставать из-за стола.

— Спокойнее, спокойнее, мой юный друг, — Гонза продолжал улыбаться, но в его бесцветных глазах мелькнуло нечто, похожее на угрозу. — Горячность иногда вредна... Можно упустить выгодное дело!

— Какое дело? Ты о чем это? — насторожился киммериец.

— Сначала отведай вина. Даю слово, такого ты еще не пробовал. Я-то знаю, что у этого пройдохи, — кивок в сторону хозяина таверны, — есть вино, которое он не выставляет в зал.

Конан покосился на кубок, облизнулся, но пить не стал.

— Какое дело? — требовательно повторил он.

— Надо кое-что украсть для меня, — пожимая плечами, ответил колдун. Больше он не хихикал.

Прищурив голубые глаза, Конан пристально смотрел на чародея. Гонза молчал, постукивая пальцами по столу. И хотя внешне колдун казался спокойным, постукивание выдавало его волнение. Преодолевая неприязнь, Конан все-таки задал вопрос:

— Сколько?

— Вот это называется деловой подход, хи — хм да... Я люблю людей твоего склада. Что ж

на прямой вопрос, нужно давать прямой ответ. Три тысячи...

Услышав сумму, Конан перестал прищуриваться, наоборот, глаза его округлились.

— Дело трудное, — предупредил Гонза.

Колдун ждал. Конан все еще боролся с желанием отделаться от старика. Но — три тысячи золотых!

— Конечно, за такую сумму можно нанять двух, и даже трех людей, — небрежно бросил чародей. — А еще говорят, что в Шадиаре появился знаменитый Соркат из Арэнджуна, так что, если ты по каким-то причинам...

— Соркат проспал свою удачу! — рявкнул Конан.

— К несчастью, он произнес эти слова слишком громко.

Шуметь в зале вдруг перестали, и это уже Конану не показалось. В самом воздухе таверны повеяло чем-то недобрым.

Из-за соседнего стола поднялся изящный молодой человек лет тридцати с волнистыми белокурыми волосами до плеч, изысканно одетый. Мягко ступая высокими, начищенными до блеска сапогами по грязному полу, он подошел к Конану и слегка поклонился.

— Соркат — это я, — негромко произнес он, положив руку на эфес длинной зингарской ламиры.

Конан почувствовал, что багровеет. Плохое настроение и винные пары сыграли с ним дурную шутку: он попал в глупейшее положение. Обычно его ответ, словом или мечом, не заставлял себя ждать, но сейчас киммериец молчал, судорожно сжимая и разжимая свинцовые кулаки.

Сорката это видимо забавляло.

— Мы ведь не знакомы? — учтиво спросил он у варвара.

— Нет, — выдавил из себя Конан, искоса поглядывая на Гонзу.

Колдун с большим интересом слушал их содержательную беседу. Его маленькие глазки так и поблескивали от удовольствия.

— Оскорбить незнакомого человека, к тому же за его спиной — весьма недостойный поступок, — назидательно произнес аренджунец. — Скажем больше — это свинский поступок? — продолжал он, и это было его ошибкой, не стоило перегибать палку.

Бешенство, клокотавшее в груди киммерийца, выплеснулось наружу.

Варвар встал. Он был на голову выше Сорката, которого никак нельзя было назвать низкорослым. Аренджунец слегка нахмурился, но не отступил.

— По-моему, тебе лучше убраться на место, — прорычал Конан.

На лице вора пробежала легкая тень досады. Видимо, так просто поставить на место этого неотесанного верзилу ему не удастся. Что ж...

— Юноша, — вкрадчиво произнес он. — Хорошим манерам тебя может научить лишь хорошая трепка.

В следующий момент медвежья лапа Конана легла на плечо зарвавшегося вора, и Соркат очень удивился, почувствовав, что его ноги отрываются от пола. Удивление длилось недолго — ровно столько времени, сколько потребовалось ему, чтобы долететь до ближайшего окна. После встречи белокурой головы с оконной рамой — на счастье аренджунца, ставни из-за духоты были распахнуты настежь, — а чуть позже — с мягкой после недавнего дождя улицей, удивление на его лице сменилось умиротворением, и Соркат без чувств рухнул в грязь.

После гробовой тишины таверна взорвалась диким шумом. Кто орал, кто стучал кулаками по дубовым доскам столов, кто топал ногами.

— Блестяще, мой юный друг! Потрясающе! Великолепно! — Старый Гонза хлопал в ладоши и захлебывался своим хихиканьем.

Разъяренный Конан схватил колдуна в охапку и швырнул его вслед за Соркатом, сопроводив полет не слишком изысканным, зато крепким и точным выражением на родном языке.

Все-таки Конан не любил чародеев и ничего не мог с этим поделать.

Четверо угрюмого вида мужчин в серых туниках, сидевших за одним столом с аренджунцем, вскочили с мест и бросились к киммерийцу. Блеснула сталь.

Конан обернулся к нападавшим, но кинжал одного из них успел задеть плечо варвара. Киммериец перехватил запястье, сжал его, и человек издал дикий вопль, заглушивший хруст сломанной кости. Крик тут же прервался, так как Конан успокоил бедолагу кулаком по голове. Подручный Сорката мешком свалился на пол.

Меч висел у киммерийца за спиной. Миг — и стальной вихрь заставил податься назад остальных менее расторопных — или более осторожных — противников.

Конан издал боевой клич, тот самый, который рвался из сотен киммерийских глоток чуть больше года назад, заставляя в ужасе разбежаться закаленных аквилонских солдат в Венариуме.

Дикий рык варвара ударился в низкий закопченный потолок, вырвался в разбитое окно и был услышан нарядом городской стражи.

Тем временем Конан перешел в наступление, прыгнув следом за пятившимися бандитами. Киммериец был в своей стихии: ноздри бешено раздувались, голубые глаза метали молнии. Он двигался с таким проворством, что его противники, а их оставалось трое, оказались бессильны противостоять неистовому напору. Когда упал еще один, пронзенный мечом насквозь, двое чудом уцелевших решили спастись бегством и бросились к двери.

Прочие посетители таверны только сейчас поняли, что на их глазах происходит смертоубийство — так быстро события сменяли друг друга, — и в панике бросились кто куда. Визг женщин, грохот опрокидываемых столов и бьющейся посуды, всеобщая давка и сумятица не дали возможности Конану покончить с удиравшими ворами. Пока юный варвар раскидывал толпу, они успели выскочить за дверь. А когда Конан с окровавленным мечом выбежал в ночную духоту улицы, его ожидал неприятный сюрприз в виде нацеленных в грудь наконечников копий.

Однако остановить разбушевавшегося киммерийца таким пустяком было трудно. Конан широко взмахнул мечом, превращая копья в весьма удобные ручки для метел — наконечники с мелодичным звоном посыпались на землю — и с ревом бросился на опешивших стражников.

Командир отряда поднял над головой саблю, пытаясь отразить удар огромного меча, но он не учел гигантской силы варвара: клинок разлетелся на куски, а лезвие из синеватой стали разрубило шлем и погрузилось в череп заморийца.

Высвободив оружие, Конан бросился бежать. У него не было никакого желания драться со стражниками. Их командира он даже пожалел мимоходом — попался же под руку... А ведь все из-за колдуна, чтоб он свернул себе шею!

Настроение у киммерийца испортилось окончательно.

* * *

К великому сожалению Конана, старый Гонза не сломал себе шею. Колдун вообще себе ничего не сломал, так как приземлился на отдыхающего под окном Сорката. Знаменитый вор, уже собиравшийся очнуться, снова погрузился в блаженный сон, из которого его не вывела ни яростная ругань чародея, ни боевой клич киммерийца, ни погром учиненный в таверне.

Устав ругаться, Гонза устроился поудобнее на постанывающем аренджунце и прислушался.

— Ушел, паршивец. Хвала Сету, цел остался. Дорого бы я дал, чтобы этот щенок уже завтра болтался в петле, но он мне нужен! Именно он, проклятье! Жаль, что сегодня не получилось,

придется хорошенько подумать, как подступиться к нему снова. И почему это он меня так сразу невзлюбил?! Еще этот аренджунский петух не вовремя оказался рядом!

Колдун со злостью ткнул несчастного Сорката кулаком под ребра.

— А может, он... Нет, звезды ясно сказали! Мне нужен Конан, разорви его Сет! Но клянусь своей печенью, как трудно иметь дело с варварами!

Покряхтывая Гонза встал на ноги. На соседней улице его ждали носилки и четыре дюжих раба-шемита, которые без дальнейших приключений доставили старого колдуна к его дому.

Гонза снимал несколько комнат неподалеку от дворца правителя Заморы. Он и в Офире жил рядом с дворцом, чтобы офирский владыка всегда мог иметь его под рукой.

Однако службой своей Гонза был не слишком обременен — Его Величество не страдал отсутствием самоуверенности и в чьих либо советах нуждался редко, чаще полагаясь на собственную голову. Он искренне думал, что маг может делать золотые монеты с его профилем прямо из воздуха, и всякий раз удивлялся, когда приходилось подписывать бумаги, по которым чародею все-таки причиталось небольшое жалование. Впрочем, Гонзе этой суммы вполне хватало. Делать золото из ничего он не умел, вернее не желал, относясь к желтому металлу с презрением и видя в нем лишь средство для достижения своих целей.

Пока что цели не слишком облегчали его карман, ибо Гонза был колдун не совсем обычный. Он был чужд власти и не жаждал богатств, занимаясь искусством только ради самого искусства. Мир давно перестал его интересовать. В свою очередь миру тоже не было дела до маленького плешивого мага. Гонза не был известен заморским правителям, и хайборийского мира.

Знали его только жители офирской столицы. Знали — и боялись. Его часто видели на улицах, семенящего, потупившего взгляд, что-то вечно бормочущего себе под нос и непрестанно хихикающего. Ему запросто могла придти в голову идея проверить на первом встречном свои теоретические выводы.

Случалось, и проверял на первых порах. Очень скоро горожане усвоили, что под ногами мага лучше не путаться: теперь улицы, по которым он совершал свои прогулки, пустели в мгновение ока, лишь только раздавался крик: "Идет плешивый!"

Пробовали жаловаться правителю. Как-то Гонзу даже призвали к ответу. Колдун явился, раздраженный тем, что его оторвали от чтения древних манускриптов. Трясущиеся от страха горожане, тыкали в него пальцами и что-то говорили судьям. Морщась, будто от зубной боли, Гонза терпеливо выслушал и ничего не понял из их слов. Разозлившись, он одним взмахом руки заставил горожан замолчать.

— Ваше Величество, — заявил он. — Сейчас я очень занят. Пусть уважаемые свидетели лучше подготовятся к своей речи и излечатся от заикания. Тогда мы сможем закончить это дело быстрее и не отнимать драгоценного времени ни у вас, ни у меня.

И ушел. Обвинители продолжали молчать. И немудрено: каменным языком немного наговоришь.

Эта история весьма позабавила владыку, и он простил Гонзе его дерзкую речь.

При всех своих чудачествах, Гонза не был сумасшедшим. Холодный ум и железную волю подогревало еще одно чувство — тщеславие. Маг знал себе цену, и его уязвляло то, что он практически безвестен. Он жаждал славы, но славы заслуженной.

Он был горд, маленький колдун из Офира.

И не терпел глупых, с его точки зрения, проволочек. То, что Конан вышвырнул его в окно, разбудило в нем гнев не потому, что киммериец посмел поднять на него руку, а потому что из-за досадной драки в таверне откладывалось на неопределенный срок начало задуманного им нового опыта. Нет, не опыта — деяния! Которое прославит его имя в веках.

Существовало несколько способов заставить варвара выполнить его волю. Гонза выбрал

самый простой. Справившись с первым приступом гнева, колдун решил не наказывать киммерийца и не запугивать его, как он собирался поступить сгоряча.

Поэтому нужно действовать как и прежде — соблазнять варвара щедрой платой. Он сыграет с киммерийцем в открытую — северные варвары ценят честную игру. Рассказать Конану все или почти все, и если понадобится — увеличить награду.

А сейчас нужно узнать, где находится киммериец. Это просто...

Конан ночевал в какой-то захудалой таверне далеко от злополучного постоялого двора. Спал он по-звериному чутко, положив рядом с собой обнаженный меч.

Под утро он вдруг проснулся, как от подземного толчка. Внезапно в закрытой комнате возник воздушный вихрь. Варвар тут же спрыгнул с постели. Грозно сверкнул в полумраке огромный меч.

— Тихо, мой юный друг, — раздался знакомый голос — Не следует будить весь дом.

— О, Кром! — застонал Конан, — это опять ты?! Как ты сюда попал?

— Не через дверь, — спокойно сказал Гонза, присаживаясь на табурет. — Есть другие способы, чтобы оказаться в запертой комнате. Не забывай, кто я.

Конан наморщил лоб.

— И хотел бы, да не могу. Слушай, колдун, оставил бы ты меня в покое?

Лезвие меча многозначительно качнулось.

Колдун захихикал, но тут же спохватился. Он выглядел утомленным: под глазами набрякли мешки, лицо было бледным, осунувшимся.

— Мне показалось, что мы пришли к соглашению вчера вечером, и если бы не вмешательство этого Сорката, сейчас бы ты уже скакал к аквилонской границе, радуясь звону золотых в кошельке... Присядь, храбрый варвар, давай поговорим спокойно. Я не понимаю, ну почему ты так упрямисься? Ты часто рискуешь жизнью за гораздо меньшую сумму.

Конан сел на кровать. Меч, однако, не убрал, держал на коленях.

— Не люблю иметь дело с магами, — откровенно признался он. — Мне кажется, что никто из вас не умеет играть по-честному. И вообще, один ваш дух приносит несчастье. Вчера все было хорошо, но вот появился ты...

— И ты получил удовольствие от славной драки, хи-хи!

Конан невольно усмехнулся, вспомнив выражение лица Сорката перед тем, как тот отправился в свой полет.

— А насчет честной игры... Суди сам, — продолжал колдун уже серьезным тоном. — Я расскажу тебе все. Слушай В Аквилонии, недалеко от границы с Аргосом, среди гор лежит чудесная долина. Те места заселены довольно густо: Пуантен — богатейшая провинция Аквилонии. Но в долине никто не живет. Люди обходят ее стороной — не потому что боятся, а потому что просто не подозревают о ее существовании. Заклятие, лежащее на ней, не позволяет простым смертным даже приблизиться к долине. Их начинает... ну, как бы, уводить в сторону. Незаметно для самого себя человек огибает ее и оказывается в другом месте, не подозревая, что прошел мимо заповедного края. В этой долине находится одна вещь, которую тебе нужно украсть и принести мне.

— Красивая сказка, — сказал Конан без всякого интереса. — А как я туда попаду?

— Это моя забота. Я наложу на тебя заклинание...

— Что?! Все, разговор окончен.

— Конан, ты не так меня понял...

— Окончен, говорю! Чтобы на мне использовались все эти колдовские трюки!..

— Дурак! — колдун вышел из себя. — Я просто открою тебе внутреннее зрение! Оно есть у каждого человека, но почти никто не умеет им пользоваться! Мне понадобились многие годы,

чтобы им овладеть. Ты же, с моей помощью получишь этот величайший дар в один миг! Мало того, ты даже ничего не почувствуешь. Увидишь долину и просто будешь знать, куда идти! Понял?

Конан хотел встать, но взгляд Гонзы пригвоздил его к месту. Мышцы не повиновались могучему киммерийцу. Ужас и ярость овладели варваром. Как будто издалека до него доносился голос колдуна:

— Видишь, что я могу с тобой сделать? Оставить бы тебя таким истуканом... хотя бы до конца нашего разговора, чтобы ты не перебивал старших, мальчишка! Не хочу. Приятнее беседовать с живым человеком, а не со статуей.

Конан боролся изо всех сил, пытаясь вырваться из невидимых тисков, но не мог пошевелить даже пальцем.

Колдун устало горбился на табурете и с усмешкой за ним наблюдал. Увидев, что Конан прекратил, наконец, свои бесплодные попытки, он заговорил снова:

— Обещай только выслушать меня до конца. Если тебе мое предложение не подойдет, я тут же исчезну, клянусь! Пойду разыщу Сорката или еще кого, хотя жаль, конечно.

От хихиканья и ужимок мага не осталось следа. Перед Конаном сидел пожилой человек, беспредельно утомленный его, Конана, упрямством и несговорчивостью.

Невидимые пути внезапно исчезли. Рука Конана судорожно сжала рукоять меча, но тут же отпустила.

— Ладно, говори дальше, — пробурчал киммериец.

— Вот спасибо! Итак, продолжим. Долину ты найдешь. Я дам тебе подробный план. А вот войти в долину будет трудно. Тебе же необходимо проникнуть не просто в долину, а в самую середину леса, который там растет. Там ты найдешь... — колдун вдруг запнулся.

— Ну? — буркнул Конан.

— Цветок... Цветок необычный. Увидев его, сразу поймешь, что я имею виду. Его нужно сорвать, вынести из долины и доставить мне. Собственно говоря, это все. Тысячу золотых и коня ты получишь прямо сейчас, еще две тысячи после того, как Цветок окажется у меня. Можешь задавать вопросы.

— Вот спасибо! — передразнил мага Конан. — Ладно. По большому счету, мне все равно, чего красть — цветок, бульжник или еловые шишки. Но все-таки интересно, зачем он тебе?

— Ты бы лучше спросил, какие опасности могут там встретиться, — сокрушенно вздохнул чародей. — Не все ли равно, как я использую то, за что тебе будет заплачено? Но я обещал быть с тобой честным...

— На самом деле, колдуна разбирало страшное желание поделиться хоть с кем-нибудь, пусть даже с твердолобым варваром, своим грандиозным замыслом. Ему хотелось увидеть в этих голубых глазах восхищение, потрясение — да что там, хотя бы просто свет понимания...

— Наверное, ты прав, — зевая, сказал Конан. — Что ж, давай про опасности.

Взгляд Гонзы стал стеклянным. После долгого молчания он заговорил каким-то надломленным, невыразительным голосом.

— В этой долине с незапамятных времен обитает нечеловеческое племя. Как они называют себя сами — неизвестно, да и неважно. Люди зовут их Бессмертными.

— Так они существуют на самом деле? — удивленно воскликнул Конан.

— Да, но их осталось очень мало. Живут они в местах, подобных этой потаенной долине, но на всей земле найдется едва ли еще десяток таких мест. Обитатели долины народ особый. Если другие Бессмертные, разбросанные по всему свету, черпают Силы в своих преданиях и, по сути, рано или поздно попросту сгинут, то народ Цветка выполняет особую и очень важную миссию. Они охраняют свой Цветок.

— Зачем?

— Неважно.

Конан хотел было напомнить колдуну, что тот обещал ничего от него не скрывать, но Гонза продолжал монотонно бубнить, и, поразмыслив, киммериец решил, что дела этих Бессмертных его не касаются.

— Днем и ночью вокруг Цветка стоит стража. Кроме того, в сам лес тебе не удастся войти незамеченным: тебя обнаружат сразу. Хотя, возможно, за прошедшие столетия бдительность Стражей ослабла и охрана носит лишь ритуальный характер, но лучше на это не слишком рассчитывать. Воины они умелые и из лука — излюбленного оружия — стреляют без промаха даже в темноте — ты это учти. И еще. Кроме Бессмертных ты можешь столкнуться, скорее всего не в самом лесу, а на подходе, с ужасными существами, которые не водятся нигде на Земле.

— Слушай, колдун, а почему именно я? Почему не ты сам? Деньги бы свои поберег.

Отвечая, Гонза был предельно честен:

— На тебя мне указали звезды и гадания на разных предметах. Несмотря на туманность и некоторую странность предсказаний, все-таки выходило, что только ты сможешь принести мне Цветок.

— А Соркат? — ухмыльнулся Конан.

— У него нет и десятой доли твоей удачи. Что касается меня, то мне нет хода в заповедную долину. Я — маг, и против меня может быть применено колдовство. Магия Бессмертных! Знаешь, что это такое?

— Нет.

— И я не знаю, — прошептал Гонза. — А вот они земную магию знают! Рожденный задолго до появления первого человека, этот народ обладает глубочайшей мудростью, и мне в открытой схватке с ними не устоять. Пока в моих руках не окажется Цветок.

В комнате воцарилось молчание. За окнами занимался рассвет. Конан встал и задул свечу. Потом обернулся к колдуну.

— Пять.

— Хорошо, — сдался Гонза. — Две тысячи сейчас, три — потом... Пошли. Выберешь себе коня, а вечером я подарю тебе внутреннее зрение и дам план. Завтра утром ты должен быть уже в пути.

* * *

Конан не особенно спешил. Солнце вставало двенадцать раз, прежде чем он добрался до границы с Офиром. На путь от Ианты до Шамара у него ушло вдвое меньше. Оказавшись в Аквилонии, этом богатейшем и сильнейшем государстве хайборийского мира, он невольно сравнивал ее с теми странами, в которых уже успел побывать: Гипербореей, Бритунией, Заморой, Офиром...

Особой разницы он не увидел. А вот Шамар, крупный город, стоявший на правом берегу Тайбора, произвел на него впечатление.

Здесь не было восточной пестроты и суеты. Прямые улицы, в большинстве своем замощенные, строгие очертания домов, на рынках степенные торговцы вели себя солидно и с достоинством. Часто попадались и закованные в латы отряды городской стражи.

Юный варвар с любопытством глазел по сторонам, попутно ища вывеску какой-нибудь таверны. Хотя едва перевалило за полдень, Конан решил заночевать в Шамаре и продолжить свой путь на следующий день.

Таверн хватало, только в них не было свободных комнат из-за огромного числа иноземных торговцев. Через Шамар в Тарантию и Зингару шли караваны из Немедии и Офира — ближайших соседей Аквилонии, а также из далеких стран: Заморы, Хаурана, Бритунии, и даже из загадочной мрачной Стигии и сказочной Вендии... Такое паломничество объяснялось удобным расположением города: Шамар находился в очень выгодном месте — на севере горы, на юге — горы, на юго-востоке — широкие полноводные реки. Естественно, что караваны шли самой короткой и удобной дорогой.

Не раз этим же путем приходили и вражеские армии. Поэтому Шамар — эти восточные врата Аквилонии, являлся еще и сильнейшей крепостью, обнесенной мощной и высокой стеной с множеством башен.

Наконец Конан нашел на окраине грязный и вонючий постоялый двор, где он получил комнату и обед для себя и своего коня. Наскоро перекусив, киммериец решил прогуляться.

* * *

— Тупица! — шипел Гонза. — Так он будет год добираться до Пуантена!

Колдун не выпускал Конана из виду во время всего его путешествия и места себе не находил от бессильного бешенства. Каждое убегающее мгновение раскаленным железом терзало сердце сгоравшего от нетерпения чародея.

Напрасно он старался успокоить себя рассуждениями, что времени у него в избытке. Днем раньше, днем позже — какая разница! Не помогало. Теперь, когда так близок был решающий миг, Гонзу охватила бессонница. Он чувствовал, что сходит с ума из-за проклятой медлительности своего посланца.

Это произошло на второй день отъезда Конана из Шадизара. В спальню мага тихо вошел раб и низко поклонился.

— Ну? — прорычал Гонза, не оборачиваясь.

— Господин, вас спрашивают, — прошептал задрожавший шемит. Смуглое лицо раба было серым от страха.

— Кто?

Он сказал непонятную, очень странную вещь...

Да говори же, чтоб тебя демоны сожрали! — взревел колдун, топая ногой.

— Он сказал: "Передай господину, что его просит принять человек, на котором он отдыхал под окнами таверны "Дохлая кошка" несколько дней назад".

Казалось, Гонзу хватит удар. Маленькие глазки колдуна выкатились из орбит, из горла вырвалось какое-то бульканье. Раб в ужасе повалился на колени.

— Соркат! — выдохнул чародей. — Наглец! Ну, сейчас...

Знаменитый аренджунский вор, ожидавший в приемной, так никогда и не узнал, как он был близок к смерти.

Внезапно Гонза взял себя в руки. Шальная мысль мелькнула у него в голове, и колдун ненадолго задумался. Лицо его постепенно приняло обычное насмешливое выражение.

— Хи-хи! — Гонза ощерил в улыбке свои гнилые зубы. — Знает рыбак, когда сети тянуть! А я чуть было эту рыбку не упустил, старый дурак! Удачно, надо сказать, этот вор появился, вовремя!

Он беззлобно пнул раба ногой.

— Зови!

Соркат вошел и отвесил чародею учтивый поклон. Внешне он был спокоен, но Гонза,

читавший в людских душах, как в открытой книге, видел, что аренджунец от страха сам не свой.

— Прощу меня простить...

— Прощаю. Ближе к делу! Я тебя знаю. Ты — Соркат, всем известный вор. Итак, чего ты хочешь?

Опешив от такого приема, Соркат, тем не менее, быстро пришел в себя.

— Я видел вас в тот вечер, господин, в известной вам таверне с человеком, который смертельно оскорбил меня...

— И, вероятно, хочешь найти этого человека.

— Да.

— И рассчитываешь, что я тебе помогу. Не знаю, правда, почему ты решил, что я стану тебе помогать. Тем не менее, мой ответ — да, я тебе помогу. Но на определенных условиях. Первое. У тебя есть верные люди?

— Да, — Соркат все-таки растерял весь свой невозмутимый вид. Вор совсем был раздавлен таким напором.

— Нужно человек десять.

— Да.

— Второе. Я пойду с вами. Третье. Мои приказы выполнять беспрекословно. Четвертое. За нарушение приказа я караю смертью. Пятое. Киммериец мне нужен живым... на время. Потом можешь его убить. Наконец, шестое, все вы получите щедрую награду. Ты согласен?

— Да, — казалось, Соркат, позабыл все остальные слова.

— Сейчас иди. К вечерней страже будьте у моего дома. Выезжаем сегодняшней ночью. Тебе все ясно?

— Да.

— Иди... Да, вот еще что: ты знаешь как зовут этого юнца? — не получив ответа, Гонза продолжил. — Его зовут Конан из Киммерии. Думаю, ты о нем слышал. Так что позаботься о том, чтобы твои люди были из тех, кто умеет обращаться с мечом.

Соркат вышел, переваривая услышанное и рискуя при этом заработать себе язву желудка. А Гонза возбужденно ходил по комнате и, потирая от радости руки, хихикая, восклицал:

— Удачно, хи-хи, очень удачно! Десяток головорезов будет нелишним подспорьем. В дороге всякое может случиться, а Соркат жаждет мести, и ради того, чтобы добраться до глотки варвара, пойдет со мной куда угодно. Как мы быстро договорились! Люблю, когда вот так — честно, по деловому... Да, но этим мерзавцам придется платить...

Немного погрустнев, Гонза уселся за стол писать прошение на Высочайшее имя с просьбой выдать ему незначительную сумму в счет причитающегося жалования.

* * *

Недолго Конан задержался в Шамаре. Пришлось ему как можно скорее уносить ноги из города, подарив своего коня хозяину той таверны, где он обедал. Времени зайти за ним у Конана не было: он торопился улизнуть от дюжины стражников, настроенных не слишком к нему дружелюбно. Уж больно непочтительно обошелся варвар с их командиром. Сам храбрый сотник в погоне участие не принимал по весьма веской причине — он валялся без чувств. Кулак киммерийца опустил на его голову, и все бы обошлось легким сотрясением, будь у того хоть капля мозгов.

Такого исхода не ожидал ни киммериец, ни стражники.

Варвар быстрее справился с охватившим его смятением и бросился бежать. Солдатам

понадобилось чуть больше времени, чтобы вспомнить, что нужно делать с человеком, проломившим голову аквилонского нобиля среди бела дня посреди людной улицы.

В общем, погоня поначалу отстала, но на беду Конана, за углом, он столкнулся с другим патрулем.

Пришлось пробиваться, это заняло время, достаточное для того, чтобы стража его нагнала.

Конан наконец вырвался, но солдаты не отставали более, чем на двадцать шагов. Прохожие путались под ногами у варвара. Расчищая себе путь, киммериец невольно облегчал продвижение и солдатам.

"Не везет, — думал Конан. — И чего эти твердолобые командиры все время попадают под руку? Еще недавно в Шадизаре, сегодня, вот, — в Шамаре?.. Кто же мог знать, что та девчонка, которую прилюдно мордовал сотник — его родная сестра?"

Киммериец всегда относился к женщинам с почтением и не мог пройти мимо этой сцены. Девушка завизжала, когда стражник рухнул под его ударом и с воплем "О, мой брат! Мой любимый Орест!" упала на бездыханное тело. Времени чесать в затылке у Конана не было. Что-то неразборчиво буркнув, извиняясь, он помчался прочь. За ним — солдаты, подгоняемые истощенными воплями несчастной сестры покойного.

В конце концов, киммерийцу удалось сбить стражников со следа, схоронившись за оградой какого-то дома. Солдаты пробежали мимо. За ними, к искреннему облегчению Конана, брел нетвердой походкой и их командир с наспех перевязанной головой. Бедняга, видимо, плохо соображал, и все время пытался заехать по уху поддерживающего его солдата. Тот ловко уворачивался от тумачков и случайно заметил выглядывавшего из-за ограды Конана.

— Сюда! Ко мне! — заорал стражник и, бросив своего командира, тут же распластавшегося на мостовой, ринулся ловить варвара.

Конану вновь пришлось убежать. Правда, сейчас стало легче — потянулись городские пустыри, где он мог бежать гораздо быстрее.

Благодаря выигранному расстоянию Конан подошел к Южным воротам Шамара неторопливой походкой, делая вид, что вопящая толпа солдат и присоединившихся к ним сердобольных горожан в сотне шагов позади его совершенно не интересует.

— Чего это они? — недоуменно спросил вислоусый стражник, выпуская Конана за ворота.

— Ловят, наверное, кого-то, — безразлично бросил киммериец, проходя мимо.

Очутившись за городскими стенами, Конан припустил во весь дух, направляясь к недалекому лесу.

Таким образом, киммериец оказался на хорошо заезженной дороге, имея при себе только меч и кошелек с золотом. Потеря коня его не слишком огорчала. Когда с тобой столько денег, можно купить себе хоть десять лошадей.

Но тут Конан просчитался. Ни в этот день, ни на следующий он не нашел себе коня. О, щедрая и богатая земля Аквилонии! Здесь забыли о голоде, здесь почти задаром можно было достать еду, отличное вино и прекрасных женщин. Здесь продавалось все, кроме лошадей. По крайней мере, к югу от Шамара. Этих благородных животных невозможно было даже украсть, по причине отсутствия их в деревнях, а за высокие стены замков Конан проникать не хотел. Затруднительно переправить четвероногую скотину через стену высотой двадцать-тридцать локтей.

Поэтому он шел пешком, проклиная свое невезение.

Через четыре дня Конан уже стоял на правом берегу Хорота, где начинались земли Пуантена. В первом же городке у первого встречного он спросил:

— Где я могу купить лошадь?

— Вторая улица направо, у Келата-барышника, — последовал доходчивый ответ.

Конан уныло вздохнул, развел руками и побрел дальше. Он так устал от невезения, что смысл ответа не сразу дошел до него. Только пройдя с десятков шагов киммериец вдруг осознал сказанное и, буквально подпрыгнув от радости, бросился в указанном направлении, не обращая внимания на закатившуюся глаза и медленно оседающую на землю пожилую степенную горожанку, для которой крик варвара прозвучал слишком неожиданно.

В полдень довольный киммериец уже ехал на черной, как смоль, четырехлетке, горячей аквилонской породы. Цену он заплатил, не торгуясь, хотя позднее нашел ее непомерно высокой. Тем не менее, в этот день он направился спать в прекрасном настроении.

Спал он крепко, но чутко — как всегда. Впрочем, шум, раздавшийся посреди ночи, мог разбудить даже курильщика черного лотоса.

Конан мгновенно проснулся.

Прислушавшись, он понял, что тревога была ложной. Просто какой-то отряд верховых, прибывший в неурочное время, хотел получить то, что можно обычно получить на постоялом дворе — корм лошадям, ужин для себя и крышу над головой до утра.

Пожав плечами, Конан снова лег и закрыл глаза. Он уже стал засыпать, когда до его слуха донесся голос, вернее несколько голосов:

— А эта комната?

— Она занята, господин, но вот следующая...

— Благодарю, любезный хозяин. Вот возьми.

— О, спасибо, спасибо...

— Наши люди переночуют в общей зале. Проследи, чтобы у них было все.

— Не беспокойтесь! Сделаю, как прикажете.

— И скажи им, чтоб не слишком, хи-хи, веселились! — прозвучала фраза, произнесенная третьим собеседником, доселе молчавшим. — Соркат, эта комната моя, ты устраивайся в другом месте, — и говорившие проследовали дальше.

Конан сел на постели и задумался. Недобрая усмешка заиграла на его губах.

"Соркат и Гонза?.. Здесь, вместе! Аренджуец и маг... Что все это значит?.."

Мысли вихрем метались в голове варвара, гнев душил его, в какой-то миг Гонза мог сильно пожалеть, что связался с киммерийцем. Но Конан мудро отложил расправу на потом.

"Колдун мне за это еще заплатит... но позже".

Складывалось все очень скверно. Однако неожиданное стечение обстоятельств давало ему шанс натянуть нос чародею и этому выскочке Соркату. Хорошо, что от Шамара он шел пешком... Ох, хорошо, благодарение Крому! Ясно, что колдун с аренджунцем намеренно идут за ним и вот нагнали в этой таверне.

А если они преследуют его, то почему не спросили о нем у хозяина таверны? Тот бы им с готовностью подтвердил, что высокий варвар преспокойно спит себе в своей комнате.

"Могут, конечно, спросить и с утра... Или у Гонзы есть свои способы узнавать, где я сейчас нахожусь?"

Улыбка сбежала с губ Конана, голубые глаза загорелись мрачным огнем. Вот сейчас колдун раскинет свои магические игрушки и узнает, что киммериец находится в соседней комнате.

Варвар вскочил и бросился к окну. Бесшумно отворил ставни и тенью скользнул во двор.

Действительно, закрывшись в своей комнате, Гонза принялся искать киммерийца. Для этого ему не нужны были никакие амулеты, пусть ими пользуются гадалки. Он просто поудобней устроился на скрипучем стуле, откинулся на спинку и закрыл глаза.

В первую ночь после отъезда из Шамары маг уже пробовал отыскать киммерийца — и не сумел. Несколько удрученный, но не очень расстроенный, он не стал повторять попытки, зато сегодня решил найти Конана во чтобы то ни стало. По его мнению, варвар хоть и двигался со

скоростью черепахи, должен был уже подъезжать к долине, куда и он собирался прибыть завтра к вечеру.

Но они-то с Соркатом неслись ураганом с двумя сменными лошадьми в поводу. Гонзе казалось, что он рассчитал все верно, но колдун не мог знать, что от Шамара Конан шел пешком.

Словом, Конана он не нашел. Стиснув зубы, Гонза снова погрузился в транс, ощупывая пространство своим мысленным взглядом. В окрестностях долины варвара не было. Чуть ближе — тоже нет. Еще ближе...

Колдун вздохнул и расплылся на стуле. Конан бережно поддержал обмякшее тело и пристроил его поудобнее.

За несколько мгновений до этого Конан наблюдал за сидящим за столом Гонзой в щелочку между ставнями. Маг сидел с закрытыми глазами, но не спал, это было видно по его тяжелому прерывистому дыханию.

Конан тихонько стукнул в оконную раму — колдун на это никак не прореагировал.

Решение пришло мгновенно — дерзкое, безумное, но единственно верное. Инстинктивно Конан понял, что маг пытается найти его, а этого бы киммерийцу не хотелось.

Открыть ставни было для варвара детской забавой. Он бесшумно проник в комнату и, осторожно ступая, приблизился к Гонзе. Киммериец мог и не осторожничать — колдун был далеко и не услышал бы даже грохота землетрясения.

Ласковый шлепок по затылку отправил чародея еще дальше — в царство сна и забвения. Конан постоял немного, потом выскользнул обратно в окно, не забыв прикрыть за собой ставни.

Теперь, когда Конан знал о предательстве Гонзы, он задумался, почему не убил колдуна, и тут же ответил себе на этот вопрос: "Бессмертные. Заповедная долина. Чудесный цветок. Кто знает, не исчезнет ли мой магический дар со смертью чародея?"

А ему очень хотелось взглянуть на эти чудеса. Киммериец был любопытен и, как это свойственно юности — тщеславен. Украсть у Бессмертных волшебный цветок — это дело достойное короля воров! А когда цветок будет у него в руках, тогда он еще поторгует с магом.

Конан принял решение — ехать вперед, как будто ничего не случилось. Тогда в путь, и не откладывая, прямо сейчас. Хозяину гостиницы заплачено вперед, так что наутро он шум поднимать не станет.

* * *

Весь следующий день Конан провел в седле, нещадно подгоняя лошадь. И к исходу вечера был у цели.

Солнце садилось за вершины гор. Перевал, на котором киммериец остановил измученного коня, был залит последними отблесками заката. Внизу, в долине, которую рассматривал Конан, прикрывая ладонью глаза, уже сгущались ночные сумерки. Вокруг не было ни души. Покой и тишина царили в горах, только звенели в высокой траве неутомные цикады. Медвяный аромат луговых цветов слегка кружил голову.

Конан тронул повод и шагом направил гнедого по пологому склону в долину. Туда не вело ни единой тропинки, но внутреннее зрение, дар офирского мага, не подвело. Киммериец был уверен, что идет по верному пути, и точный план местности, с которым Конан часто сверялся, это подтверждал. К тому же врожденный инстинкт варвара говорил ему, что он подходит к чему-то неведомому, даже запретному для простого смертного. Но пока никакой опасности Конан не чувствовал, здесь было что-то другое — чего он не мог выразить словами.

Пологий склон казался бесконечным. Киммерийца медленно и лениво обволакивала

темнота, свет солнца сюда уже почти не проникал. Проезжая мимо небольшой дубовой рощицы, Конан решительно натянул повод.

— Довольно, а то придется искать место для ночлега в темноте, — пробурчал он себе под нос.

Быстро расседлав и стреножив лошадь, киммериец набрал валежника и развел небольшой костерок. Кусок вяленого мяса, пара черствых сухарей, да фляга, полная вина — что еще нужно усталому путнику? Перекусив, он лег в траву и, закинув руки за голову, стал смотреть на небо, где зажглись уже первые звезды.

Несмотря на день, проведенный в седле, спать ему не хотелось.

На душе было спокойно и легко. Конан гнал прочь мысли о старом колдуне и о таинственных и грозных Бессмертных. Просто лежал и смотрел в ночное небо, чему-то загадочно улыбаясь, совсем забыв об осторожности. Да разве может здесь что-то ужасное произойти?

А ведь может, как-то отстраненно подумал Конан. Гонза предупреждал... И, наверное, прав был колдун. Нет на земле такого места, где человек мог чувствовать себя в безопасности — даже в собственной постели.

Конан недовольно поморщился и запер эту вздорную мысль на самых задворках своей души. Огромное, перевитое тугими мышцами тело варвара расслабилось, глаза зарылись, и только на губах продолжала блуждать легкая улыбка. Сейчас Конан, успевший за свою короткую жизнь прославиться как храбрый воин и как искусный гладиатор, как победитель черного мага Нэша, известный всей Заморе вор, человек, убивавший не задумываясь, если считал это необходимым, выглядел семнадцатилетним мальчишкой, каким он и был на самом деле.

Сон варвара был крепок. Ничто не потревожило его до самого утра, когда первые веселые лучики солнца брызнули киммерийцу в глаза. Конан зевнул, потянулся всем телом и легко поднялся на ноги. Огляделся, ища глазами лошадь, и улыбнулся, увидев мирно щипавшего траву скакуна — нет, двух.

Его конь и еще один... кобыла, маловата для жеребца... Кром, солнце прямо в глаза... А что там у нее на голове? Да ведь это же... это рог!

* * *

"Ее звали Тавронией, и здесь она оказалась случайно. Прелестная долина, правда? Там, откуда она пришла, тоже было неплохо, но не так хорошо. Вообще-то ей нужно в другое место, но проходя мимо Двери Миров в момент, когда Дверь открыта — всего один шаг, и она оказалась тут. О, нет причин для беспокойства. Она может покинуть этот мир и вернуться в свой в любой момент. Но раз уж так получилось, почему бы не осмотреться как следует. Она ведь никому не мешает? Давайте знакомиться. Мое имя ты знаешь. А тебя зовут Конан? Очень приятно. Ты с севера. Из Ким... Киммерии. Прости, очень трудное название. Впрочем, я, наверное, слишком бесцеремонно роюсь у тебя в памяти, прошу извинить. Но, что мне делать, если ты молчишь? Это, право, даже невежливо... Может я тебя напугала?.. Что?"

— Интересно, сколько будет стоить эта шкура с рогом на шамарском рынке? — пробормотал, немного пришедший в себя Конан. — Иди-ка сюда, лошадка!

"Тут, кажется, какое-то недоразумение... Шкура с рогом? Сколько стоит? Я, знаешь ли, никогда не задумывалась над этим вопросом... Ого, какой ловкий!"

Единорог подошла совсем близко к неподвижно стоящему Конану — только руку протяни.

Он и протянул — но недостаточно быстро, еще находясь под впечатлением от услышанного. Правда, нельзя назвать «услышанным» то, что не можешь слышать ушами. Слова рождались прямо в голове киммерийца, настойчиво и не слишком приятно вторгаясь в его сознание.

Пытаясь ухватить Тавронию за рог, киммериец промахнулся. Единорог легким, очень грациозным движением уклонилась, и в кулаке у варвара оказался только медвяно пахнущий воздух заповедной долины.

"Нет, благородный Конан, меня ты не поймаешь! И не надо меня путать с тем четвероногим животным, что тарасит на нас свои круглые глаза. Сходство между нами только внешнее... И то сказать, не очень-то мы похожи. Разве может он сравниться со мной?"

— Ну, ты и болтать! — зарычал Конан, раздраженный своей неудачей. — У меня уже голова разболелась! — Киммериец понял, что поймать единорога будет нелегко. Несмотря на болтливость, она была очень осторожна. — Чего привязалась? Иди своей дорогой! Не до тебя — мне ехать надо.

Конан сердито принялся собираться, решив не обращать внимания на незваную гостью.

Снежно-белая, без единого пятнышка, только глаза черные, и грива золотом отливают. Маленькая, стройная, с точеными копытцами и очень аккуратной, будто вырезанной искусным скульптором головой.

Но тонкие сильные ноги, и вырез раздувающихся от возбуждения ноздрей ясно говорили, знающему толк в лошадях киммерийцу, что в жилах единорога течет горячая кровь.

"Наконец-то ты оценил меня по достоинству."

— Слушай, чего ты хочешь от меня?

"Ты очень груб, Конан из Киммерии. Скажи, ты со всеми женщинами так разговариваешь?"

— Когда я вынужден говорить с женщинами, то жалею, что я не немой, — пробурчал Конан, седлая коня, и вдруг неожиданно прыгнул.

На этот раз его бросок был точен. Тело варвара сбило Тавронию с ног. У единорога внутри даже что-то хрустнуло, когда Конан прижал ее к земле.

Крик Тавронии, прозвенел в голове киммерийца с такой силой, что у варвара заныли зубы.

Черная тень пронеслась над упавшими в траву киммерийцем и единорогом. Нападавший промахнулся, и это стоило ему жизни. Оттолкнувшись руками от бока единорога, Конан вскочил и всем телом подался вперед, выхватывая висевший у него за спиной меч. Клинок пронзил темно-бурую массу, и варвар разглядел то, что напало на них. Его чуть не стошнило. Чудовище внешне напоминало гиену, только размером побольше, и зубы имело соответствующие: две острых пластины, каждая, как лезвие мясницкого тесака.

Все тело твари было покрыто слизью. На задних огромных лапах красовались серповидные когти, которые еще скребли по земле, оставляя глубокие борозды.

Меч вошел монстру в бок почти по рукоять. Конан вытащил клинок, инстинктивно отпрянул от дернувшейся лапы и одним ударом снес чудовищу голову. Резко обернулся. Таврония уже стояла и, растерянно моргая, смотрела на киммерийца.

— Берегись! — крикнул варвар, бросившись вперед.

Еще два охотника — Сетово отродье — изготовились к прыжку! Оба прыгнули одновременно. Но очень неточно. Конан проскользнул между ними, и монстры столкнулись друг с другом. Один тут же сомкнул свои челюсти на горле собрата. Пока он пытался откусить ему голову, варвар прикончил его самого. Огромный двуручный меч киммерийца замелькал с быстротой спиц в ловких пальцах умелой вязальщицы.

Вскоре все было кончено. Варвар, брезгливо морщась, вытер о траву покрытый резко пахнущей кровью клинок.

"Медведь! Увалень! Чуть ребра не сломал!.. — напустилась на него Таврония и уже более

дружелюбно добавила. — Спасибо Конан, ты спас мне жизнь."

Киммериец подумал, что, наверно, все женщины одинаковы, будь они хоть на двух ногах, хоть на четырех.

"Я тебе очень благодарна", — нежный «голос» Тавронии назойливо продолжал звучать в раскальвающейся от непривычного способа общения голове варвара.

— Ладно, — пробурчал Конан, — Прощай! "Постой!"

— Мне некогда! — отрубил варвар, вскакивая в седло.

Таврония легко догнала взявшего с места в галоп киммерийца.

"Послушай меня, Конан..."

— Не хочу.

"Почему ты так враждебно ко мне настроен?"

— Я к тебе никак не настроен. Просто у меня есть дело, а ты мне мешаешь, и от твоей бесконечной болтовни у меня голова трещит.

После такого грубого ответа Таврония надолго замолчала. Даже немного замедлила бег, отстав на десяток шагов. Конан решил не обращать на нее внимание. После встречи с «гиенами» он четко понимал, что в этой долине надо всегда быть настороже. Долина больше не казалась ему тихим и прекрасным уголком, хотя солнце светило по-прежнему, и пьянящий аромат цветов кружил голову, и радовала глаз красота этого затерянного в горах леса.

Красота часто обманчива — чем дальше Конан жил, тем больше в этом убеждался. Под восхитительной внешностью порой скрывались ядовитые шипы. Сейчас киммериец внутренне был готов к любому нападению.

Но пока все было спокойно. Вскоре Конан добрался до опушки леса и, натянув поводья остановил коня. Некоторое время он приглядывался и прислушивался, но ничего тревожного не заметил. Только легкий ветерок слабо покачивал ветки деревьев, весело щебетали птицы, да гудели трудолюбивые пчелы. Конь под варваром, опустив голову, мирно щипал сочную, густую траву. Таврония понуро топталась поодаль и, вроде бы, была больше угнетена грубостью варвара, чем какими-нибудь еще сюрпризами.

Конан шагом проехался вдоль опушки и примерно через пол-лиги нашел бьющий из-под земли родник с кристально чистой и необычайно вкусной водой. Здесь он расседлал и стреножил коня, а сам, покосившись на молчавшего единорога, решительно вошел в лес.

Варвар бесшумно скользил от одного дерева к другому, настороженно поглядывая по сторонам. Иногда он подолгу замирал на месте, если слышался подозрительный шум, но всякий раз убеждался, что тревога казалась ложной — то птица перепархивала с ветки на ветку, то проходил неподалеку какой-нибудь зверь, невидимый в густой листве. Один раз киммериец чуть не столкнулся с дикой свиньей, спешащей куда-то по своим делам с выводком весело похрюкивающих полосатых поросят. Кабаны пробежали совсем рядом с Конаном, но не почувствовали замершего в двух шагах варвара.

Направление к цветку Конану было известно. Киммериец, безошибочно ориентируясь по подмигивающему сквозь сплетение ветвей солнцу, двигался вперед.

И чем дальше забирался он в лес, тем сильнее крепло в нем какое-то странное новое, непонятное чувство, которое понемногу овладело им целиком, и наконец заставило остановиться в задумчивости.

Что-то тут было не так. Вот только Конан не мог понять, что же именно. На опасности у него было врожденное чутье. Но сейчас дело было не в них, скорее наоборот...

Чувства цивилизованного человека часто слишком грубы, чтобы предупредить его о чем-то тайном и необычном. Другое дело — чувства варвара, которые сродни инстинктам дикого зверя.

Место, в которое попал Конан, было как раз из таких. И одного осознания этого было

достаточно, чтобы киммериец решил не спешить.

Конан опустил на землю, держа меч наготове.

Медленно поворачивая голову из стороны в сторону, киммериец напряженно размышлял.

Отгадка оказалась проста и в тоже время глубоко поразила варвара И усилила его тревогу.

Лес — он везде лес. А тут... Трава, деревья, кусты — вроде все, как обычно. Птицы поют, звери бродят...

Но где сухие деревья, где под ногами кости мертвых ветвей? Нет болот, нет лощин, нет колючих кустарников, даже паутины, вечно липнущей к лицу, и той нет!

Понемногу в душе Конана начали сплетаться два противоположных чувства — восхищение и страх.

Восхищаться здесь было чем. Теперь Конан удивлялся, почему не заметил сразу невиданного никем из людей совершенства. Наверное, потому и не заметил, что даже не подозревал, что подобное существует. И никто бы не заметил!

Лес был очень старым. Могучие вековые дубы с морщинистой корой, огромные ветвистые клены, твердые, как сталь, самшиты, обрамленные моховой бородой густые вязы... Молодые деревья тянулись к солнцу — гибкие, стремительные, радующиеся жизни. Над ними крона лесных великанов была пореже, чтобы света и влаги хватало.

Конан опустил глаза. Трава была ровная, ухоженная. Ему уже стало казаться, что даже листья дубов и кленов вырезаны резцом с величайшей осторожностью, каждый листок, каждый лепесток цветка... Стволы, ветви и листья, трава и цветы сплетались в удивительный прекрасный узор. Конан видел затейливые орнаменты на роскошных восточных коврах и западных гобеленах, но сейчас они казались ему убогими.

Киммериец замотал головой — это уже слишком. И все-таки его взгляд, восхищенно скользя вокруг, убеждал варвара, что в этом лесу все создано нечеловеческими руками.

Но этот лес не производил ощущение парка. В нем чувствовалась древняя мощь, суровость и тайна. И ключ к этой тайне находился, по мнению варвара, именно там, куда он направлялся.

Запах тайны, который почувствовал киммериец, звал его в самую гущу леса, на загадочную поляну, где рос невиданный никем из людей Цветок, которым так жаждал завладеть офирский маг.

* * *

— Он вошел в лес, — сказал Гонза Соркагу. — Теперь нам остается только ждать.

— А сколько ждать? — спросил его аренджунец.

— Не знаю, но, наверное, недолго — день, может два.

— А если он вообще не выйдет из леса. Колдун зашипел, как рассерженная кошка:

— Он должен выйти. И должен принести мне...

— Что? — спросил Соркат, видя, что колдун замолчал.

— Тебе необязательно это знать.

— Да, — только и сказал вор.

Колдуна он побаивался, чувствуя в нем человека вспыльчивого и быстрого на расправу. Обратит в камень, и бросит здесь стоять истуканом до скончания дней. Не раз и не два проклял Соркат тот миг, когда ему в голову пришла мысль навестить Гонзу и расспросить его о киммерийце. Злость на варвара толкнула аренджунца на этот опрометчивый поступок. Теперь он уже не желал мести, как раньше. Будь его воля, он удрал бы от чародея давно, но страх заставлял его следовать за магом до этой самой Заповедной Долины.

Страх имел под собой основу: еще в начале их путешествия один из людей Сорката выразил недовольство очень уж капризным характером колдуна.

Гонза дал ему выругаться, а потом только пальцами щелкнул — и вместо живого человека, сильного здорового мужчины в седле закачалось каменное изваяние, чуть не сломавшее хребет несчастной лошади. Статуя грянулась о землю, и у нее отвалилась голова...

— Вперед, не останавливаться! — приказал Гонза. — У меня нет ни времени, ни желания спорить с вами или объяснять свои поступки. Я плачу деньги, ваше дело — выполнять мои приказы и думать только о награде, которую вы получите после того, как мы вернемся из Аквилонии.

Люди Сорката — двенадцать отъявленных головорезов — с тех пор повиновались колдуну с беспрекословностью, достойной похвалы самых требовательных аквилонских или зингарских начальников, крутой нрав которых вошел в поговорку. Но лица их при этом были настолько мрачны и угрюмы, что Соркат серьезно забеспокоился: не выдержат — вспыхнет мятеж, что тогда?! Впрочем, делиться своими опасениями он ни с кем не собирался.

Отряд спустился в долину тем же путем, каким не так давно проехал Конан — и вскоре наткнулся на изрубленные тела "гиен".

— Ого! — произнес Соркат, оглядывая мертвых чудовищ. — Это что, киммериец их так?

— Кто же еще, — хихикнул колдун. — Не следует тебе искать с ним встречи один на один. Но не сомневайся, когда вы скрестите клинки, я буду рядом, и ты убьешь его без труда.

Соркат промолчал. На лицах его подельников читалось откровенное восхищение, смешанное с животным ужасом.

— За мной! — приказал колдун. — Здесь был еще кто-то, — пробормотал он себе под нос, пустив коня в галоп. — Кто-то или что-то... Я чувствую это. И оно ушло вместе с варваром. Странно... Полны чудес окрестности Двери Миров! Думаю, что я не зря взял с собой этих разбойников. Мечу киммерийца уже нашлась здесь работа, а далеко не всегда можно защитить себя магией, особенно если приходится обращать ее против чудовищ. А вот холодная сталь — останется сталью. Думаю, и этим мерзавцам еще придется себя показать!

* * *

По мере того как Конан углублялся в чащу, в душе его рождались и крепились новые, доселе неизвестные ему чувства. Перед его глазами разворачивались картины, одна прекраснее другой. Грубая натура варвара была не лишена своеобразной поэзии. Выросший среди холмов, лесов и скал дикой Киммерии он тоньше и глубже видел и понимал окружающий мир, чем цивилизованный человек. Поэт, иногда выезжающий за город, мог описать в своих стихах красоту лесов или лугов в таких выражениях, которые киммерийцу никогда бы на ум не пришли. Но зато Конан знал — как хорошо после долгой охоты упасть на мягкую траву и, вытянувшись во весь рост, глядеть в лазоревое небо, бездумно следя за плывущими в вышине облаками.

Да и как описать то, что каждое дерево, каждый куст и каждый цветок, каждая травинка в этом дивном лесу не просто росли, а жили своей собственной жизнью. Это надо увидеть, почувствовать.

Негромко переговаривались листья, тихо шелестела трава под ногами, смеялся прозрачный ручей, пробегая по перекатам... Человек был лишним в этом лесу. Конан чувствовал себя тут чужим. Обитатели долины — дикие звери и птицы совсем не боялись его, но замирали в немом удивлении и с укором своих по-человечески умных глаз провожали пробирающегося сквозь лес киммерийца. Конан видел это, и на душе его делалось неуютно.

Дверь Миров! В этом крылся намек на разгадку тайны. Впрочем, упрямый и любопытный варвар об этом как раз не задумывался. Бесшумной тенью он скользил в зеленом полумраке, пробираясь к намеченной цели. Конан шел уже долго, солнце достигло зенита, но в лесу по-прежнему царил прохлад.

И вдруг неожиданно киммериец вышел на открытое место. Небольшая поляна, покрытая роскошным цветочным ковром...

Больше варвар ничего не разглядел — перед ним возникла высокая фигура в зеленом плаще. Не успев ни подосадовать на себя, ни даже вздрогнуть, Конан отпрянул в сторону, взмахивая мечом. Удар был стремителен и неотразим.

Широкое лезвие меча рассекло пустоту. Страж доказал свое превосходство, исчезая и появляясь как по волшебству. Киммерийца, впрочем, это не испугало.

— Остановись, смертный, мы не враги тебе! — прогремели под притихшим лесным пологом повелительные слова.

И Конан послушно замер, держа наготове меч, глядя прямо в бездонные глаза Бессмертного. Драться с ним действительно никто не собирался.

Страж был не один. Высокие, стройные воины, одетые во все зеленое, вооруженные луками и короткими мечами, все без доспехов. Капюшоны плащей откинута и длинные, вьющиеся волосы удивительного золотистого цвета падали им на плечи. Огромные, больше человеческих, глаза смотрели на пришельца без тени враждебности, с какой-то потаенной грустью.

Кроме глаз, Стражи ничем не отличались от людей, но Конану хватило одного взгляда, чтобы понять, что перед ним не люди. Варвар не смог бы объяснить, почему он так решил, тем более что в облике воинов, стоявших перед ним, не было ничего пугающего, скорее наоборот. Киммериец даже обрадовался, что не успел пролить ничью кровь. Один из Стражей выступил вперед.

— Я — Андор, старший из Оставшихся. Кто ты, пришелец?

— Конан из Киммерии, — ответил варвар, отпуская меч.

— И ты пришел за Цветком? — Андор вздохнул и поник головой, и без того грустные глаза Бессмертного стали еще печальнее. — Пусть случится то, что предсказано. Можешь взять его.

Конан решил, что ослышался.

— Ты ожидал другого? Готов был сражаться и даже погибнуть, но добиться своего? Нет. Пришла пора. Дверь Миров скоро закроется. Мы уйдем, а ты станешь хозяином Цветка. Я даже не спрашиваю, что ты собираешься с ним делать.

— Но почему? — Слова вырвались сами собой. Конан оказался не готов к такому повороту событий. "Должно быть, здесь какая-то ловушка." Андор будто прочел его мысли.

— Мои слова правдивы, мы не умеем лгать. Тебе нечего нас опасаться.

— Почему? — Этот вопрос бился в голове варвара, будто птица о прутья клетки.

— Пришло время, — был ему ответ. — Это решено не нами и не здесь. Мир стал другим. Исчезли старые силы, и на смену им пришли новые. Мы не властны над ними. Чтобы сохранить равновесие, нужно навеки закрыть Дверь Миров. Для этого надо сорвать Цветок. Но сделать это должен тот, кому передадим мы мир Земли. Хорошо, что ты сам пришел, человек. Иди же и делай свое дело.

Гонза с разбойниками расположился недалеко от опушки леса.

Усталые бандиты, пользуясь передышкой, повалились в траву, даже забыв выставить часового. Да и чего им опасаться, если сам Гонза беспокойно метался по лагерю, не думая об отдыхе. С такой охраной никакие чудовища им не страшны.

— Что-то не так, — бормотал колдун. — Я чувствую — что-то не так! Что? Киммериец в лесу. Он еще не погиб — я бы знал! Судя по солнцу, он уже должен быть недалеко от цели. Если

его не задержат Стражи, он сорвет Цветок и принесет его мне, и тогда я буду... Рано! Рано об этом думать, старый ворчун. Может случиться еще все что угодно... Если уже не случилось. О, небеса и бездна, я умираю от беспокойства. Конечно, можно проследить за варваром... это проще простого, но мою магию неминуемо почувствуют Стражи, и что тогда? А что тогда? Что они могут мне сделать? Ох, лучше уж не думать об этом! Но... другого выхода нет! Я чувствую, что удача уплывает у меня из рук, и не понимаю причин! Надо рискнуть.

И колдун, опустившись на землю, привычным усилием воли погрузил себя в транс.

* * *

Конан стоял перед Цветком, словно в забытьи. В нескольких шагах за его спиной молча застыли Стражи.

— Он прекрасен, неправда ли? — тихо спросил Андор.

Цветок казался вырезанным из тончайшего хрусталя, но он был живым. Высокий стебель темно-розового цвета и такого же цвета девять листьев на нем, казавшихся бархатными и прозрачными. Столько же было и лепестков. Цвет их менялся на глазах: то они казались совершенно бесцветными, то начинали играть и переливаться на солнце радужными цветами, то вдруг темнели, наливаясь пурпуром, будто внутри лепестков текла теплая кровь. И в этой смене ярких красок чувствовался живой ритм. У Конана возникло ощущение, что он стоит рядом с бьющимся сердцем.

— Творение Высших Сил, никем не понятое до конца, — торжественно заговорил Андор. — Осколок прошлого, свидетель минувших эпох! Да свершится предначертанное! Возьми его, Конан из Киммерии, пусть он принесет тебе счастье и удачу.

Киммериец с силой провел ладонью по лицу.

— Но... Что же случится, когда я его сорву? — севшим в один миг голосом спросил он.

— Ничего, — пожал плечами Андор. — Приди ты чуть раньше, хотя бы на пару дней, тогда трудно вообразить себе все последствия, которые могли произойти, даже если бы ты только прикоснулся к нему. А сейчас не случится ничего...

— Сила Цветка умрет и закроется Дверь Миров, когда последний из Бессмертных уйдет туда, где нас давно уже ждут...

— А если я не стану его срывать? — спросил насторожившийся варвар, ему не очень-то понравился ответ Бессмертного.

— Не будешь? — удивленно вскинул брови Андор, и в его голосе явственно прозвучало беспокойство. — Разве ты пришел сюда не за этим? Объясни, почему?

Конан вместо ответа пожал плечами. Андор долго молчал, пристально глядя в немигающие голубые глаза киммерийца.

— А зачем тебе вообще понадобился Цветок? — наконец спросил он. — Сейчас, конечно, это не имеет значения, но...

— Собирался получить за него три тысячи золотых, — усмехнулся Конан.

— За Цветок?

— Да, за него. Я только вор, Андор. Меня наняли сделать работу, за которую обещали хорошо заплатить. И я не хочу быть героем... — Конан замолчал, отвернувшись к Цветку. — Я вор и должен выполнять условия договора, но со мной с самого начала повели нечестную игру, так что моя совесть спокойна. Денег, я не получу, но зато от души посмеюсь, когда увижу рожу старого Гонзы!

Конан нахмурился и замолчал, удивляясь своему многословию.

Воздух вокруг Цветка внезапно задрожал, возле лепестков возникло какое-то призрачное мерцание, длившееся всего лишь несколько мгновений. Потом также неожиданно вновь стало все как и прежде.

— Конан, время уходит! — тихо произнес Андор и вдруг заговорил быстро и горячо. — Сорви Цветок! Это уже необходимо. Мы не можем этого сделать, мы — не люди, и любой из нас, сорвавший его, умрет. Ты же останешься невредим. Потом получишь свои деньги, будешь счастлив и богат!

Конан упрямо помотал головой. Андор снова открыл было рот, намереваясь продолжить уговоры, но тут на поляну грациозно ступая, вышла Таврония.

"Приветствую вас, о доблестные и мудрые Стражи. Привет и тебе молодой варвар. О чем вы тут спорите?"

Конан стиснул зубы, чтобы не взвыть и отвернулся.

* * *

— Вот оно что! — Гонза вышел из транса и, вскочив, воздел руки со сжатыми кулаками к равнодушным небесам. Маг затопал ногами, изрытая самые черные ругательства. — Смещение равновесия! И именно сейчас! О, проклятые боги! Неужели ничего нельзя исправить?!

Внезапно колдун успокоился. Его могучий ум, ум ученого, взял верх над эмоциями. Времени оставалось очень мало, и нечего было тратить его на пустое сотрясение воздуха.

"Думай Гонза, думай быстро и принимайся за дело!"

Суть сводилась к тому, что само существование Цветка становилось опасным. Он должен быть сорван, и тем самым Дверь Миров закроется навсегда. Опасность отступит, а с Земли исчезнет величайшее чудо.

Этого Гонза не мог допустить. Следовательно, планы его в корне менялись.

"Конан не должен срывать Цветок! И все-таки мне не везет... или наоборот? Приди я завтра, и было бы поздно, а сейчас еще можно успеть, или я себе никогда не прощу опоздания. Ну же давай, ты ведь истинный маг, не то что все эти, носящие черные мантии набитые пугала с бритыми черепами! Ты умеешь думать и действовать быстро! Сейчас ты должен превзойти сам себя!"

* * *

Если Бессмертные и удивились появлению Единорога, то по их лицам этого было не понять. Спокойно и чинно они ответили на ее приветствие, поклонившись низко, но с достоинством.

— Привет и тебе, о Мудрейшая, — сказал Андор. — Давно ты не появлялась у нас

— Привет, болтунья, — буркнул Конан и усмехнулся, заметив недоуменные взгляды Стражей.

Таврония казалась взволнованной: перебирала тонкими, будто точеными копытами и резко скидывала голову, увенчанную витым рогом. Варвар откровенно любовался ею. Более совершенного существа ему видеть не приходилось.

"Тревога гложет меня, — сказала Таврония. Слова ее беспокойным колокольчиком зазвенели в голове киммерийца, и Конан весь сжался в комок. — Неужели вы, Стражи, этого не чувствуете?"

— Как не чувствовать? — сказал Андор, чуть заметно пожав плечами. — Равновесие смещено. Если не сорвать Цветок, может случиться непоправимое, а этот глупый человек...

"Я не о том, — нетерпеливо ударила копытом о землю Таврония. — Неподалеку отсюда вершится запретное!"

— Что? Колдовство? Рядом с лесом?! — молчавшие спутники Андора вдруг заговорили все сразу, и в их голосах звучало не то что волнение, а чуть ли не ужас.

Андор страшно побледнел. Его красивое лицо исказилось.

— Это Гонза, — махнул рукой Конан.

— Гонза? Он маг? — как-то отстранено спросил Андор. Глаза его смотрели куда-то сквозь киммерийца, на лбу выступили крупные капли пота.

— Ну да. Он шел вслед за мной всю дорогу, а вместе с ним — дюжина бродяг. Вас же больше, чего бояться?

— Ты не понимаешь, — один из Стражей мягко коснулся длинными, тонкими пальцами плеча варвара. — Мечи тут не решат ничего. Применять магию рядом с Цветком, в такой момент — значит настезь распахнуть Дверь, сделать проход в этот Мир свободным для существ, обитающих Вовне, кошмарных порождений Мрака и Темных Бездн! Чем сильнее колдовство, тем сильнее ответная магия Цветка. Последствия этого просто невозможно представить...

— Нет такого чудовища, которому пришлась бы по вкусу добрая сталь! — упрямо сказал Конан. — Нескольких тварей я уже встретил сегодня утром!

— Скольких ты видели? Трех? Четверых? Десяток? В открытую Дверь их могут хлынуть тысячи!

Андор вдруг резко вскинул руки над головой.

— Андор, нет! — крикнула Таврония, одним прыжком оказываясь рядом со Стражем. — Не хватало еще, чтобы и ты...

Внезапно стало темно, затем снова посветлело, да так, что Конан, вскрикнув, прикрыл глаза рукой. И снова за клубилась багровая тьма. Киммериец не сразу понял, что кроваво-красный свет исходил от вспыхнувшего алым огнем Цветка.

Лица аренджунских головорезов стали серыми от ужаса. Они стояли тесным кругом, взявшись за руки. В центре круга, раскачиваясь, стоял Гонза, торопливо бормочущий последние слова заклинания. Разбойники, не боявшиеся ни огня, ни воды, ни мечей, ни стрел, ни виселицы, испытывали животный страх перед магией, недоступной их слабым умам.

— Не бойтесь ничего, — напутствовал их Гонза. — Сейчас мы перенесемся за три или четыре лиги отсюда. Там будут... люди, и другие существа, похожие на людей... Неважно! Мы появимся неожиданно, они, кажется, не заметили моего вмешательства. Убивайте всех! Об остальном не заботьтесь! Когда мы победим, вы станете богатыми людьми. А тебе, Соркат, представится возможность сразиться с Конаном, хе-хе! Желаю удачи!

Гонза избрал кратчайший путь — он лишь чуточку изменит пространство и переправит всех их на поляну. И мощное заклинание, доступное немногим в этом мире, было им произнесено...

Конана спасла только скорость, с которой варвар отпрянул в сторону, и тогда меч непонятно откуда взявшегося бородача, коротко блеснув в мерцающем свете Цветка, устремился к его горлу. Через мгновение бородач уже опускался на землю с расколотым черепом: киммериец не успев не удивиться, не вообще подумать о чем-либо, нанес ответный удар. Брызги крови попали на лицо варвара, на белоснежную шкуру Тавронии и оросили лепестки Цветка.

— Не-е-ет! — не своим голосом закричал, увидевший это Андор. И без того огромные глаза Стража еще больше распахнулись от ужаса.

Он вцепился скрюченными пальцами в свои прекрасные волосы и сделал шаг к Цветку.

Это был последний шаг в его жизни. Соркат ударил Стража мечом в спину, и Андор умер

мгновенно.

Гонза рассчитал верно: несмотря на численное превосходство Бессмертных, исход схватки был предрешен. Появление вооруженных до зубов опытных и умелых разбойников было слишком внезапным — через несколько мгновений половина Стражей полегла на залитую кровью, истоптанную траву, остальные едва ли долго могли бы противостоять стремительному натиску.

Над бездыханным телом Андора, в двух шагах от Цветка неподвижно застыли колдун и Таврония. На них никто не обращал внимания, да и они не смотрели друг на друга.

— Кровь на Цветке, — потрясенно шептал Гонза. — Кровь...

— Это конец, — как эхо отозвалась единорог. Для них двоих схватка, еще кипевшая вокруг, уже не имела значения.

Тем временем трое оставшихся живых Стража во главе с киммерийцем бросились в отчаянную атаку на разъяренных головорезов. Одним ударом Конан расправился сразу с двумя врагами, перепрыгнул через их тела и оказался лицом к лицу с Соркатом.

— Киммерийский щенок! — бросил тот в глаза юному варвару.

Зингарская ламира метнулась вперед с быстротой атакующей кобры. Как ни ловок был киммериец, но отразить удар, нанесенный умелой рукой аренджунца, не успел. Клинок прочертил на груди варвара глубокую борозду.

Но Конан этого не заметил. Его тяжелый меч поднялся вверх и через миг — упал прямо на подставленную противником шпагу. Соркат успел защититься и снова атаковал, отведя меч киммерийца легким движением. Вор был весьма искушен в смертоносной игре клинков. Но и Конан, помимо силы и ловкости, немало на своем коротком еще веку преуспел в искусстве ведения боя. Следуя за движением своего меча, он сделал полный оборот с коротким шагом к противнику, и ламира Сорката прошла мимо цели. А в следующий миг меч с хрустом погрузился в открытую грудь аренджунца.

И тут тяжелый удар сотряс землю. Почва вздыбилась, лес застонал. На ногах не удержался никто. Живые вперемежку с мертвыми мгновенно оказались в общей куче, где бессильно барахтались, отчаянно пытались встать на ноги или хотя бы отползти в сторону. Новые толчки валили людей на землю. Потом удары сменились мелкой дрожью, будто всю землю охватил озноб.

Вспыхнул яркий свет, совсем не похожий на солнечный. Весь мир сжался до размеров цветочной поляны и в этом мире, залитом мерцающим могильным сиянием, жутким черным пятном вспухло то, что еще недавно Бессмертные с благоговением называли Цветком — творением Высших Сил.

Оставшиеся в живых люди и Стражи ворочались в кровавой куче изрубленных тел — избитые, растерянные, раздавленные животным страхом. Сжимая в руке эфес, варвар встал на ноги и с ужасом посмотрел на Цветок, вернее на то, чем он стал.

Лепестки почернели, как сажа, став абсолютно, неестественно темными. Они шевелились, двигались в каком-то странном завораживающем танце, то удлиняясь, то вдруг опадая, но все же неуклонно разрастались, заметно увеличиваясь в размерах. Стебель вместе с листьями усох прямо на глазах и, обломившись от соцветия, осыпался на землю горстью пепла.

Конан наконец догадался, что он видит перед собой.

— Огонь! — выдохнул изумленный варвар, протянув к цветку руку и ощущая нестерпимый жар. — Черный огонь!

— Черное пламя! — откликнулась, оказавшаяся рядом Таврония. — Это худшее, что могло произойти.

— Что это? — пробормотал Конан, отступая на шаг,

— Это — смерть! — завопил кто-то за его спиной.

Тем временем огонь лизнул поверхность земли, и сейчас же на этом месте возникла опаленная пламенем прогалина. Присмотревшись, Конан увидел, что это дыра, черная бездонная дыра, сквозь которую едва пробивался свет призрачных далеких звезд. Она стала расти — все быстрее и быстрее, пока не слилась с «Цветком» в один гигантский полыхающий костер.

— Остановите его! — снова раздался чей-то срывающийся вопль. — Во имя Митры!

Люди и единорог медленно отступали перед неспешным, но неотвратимым, как сама Судьба, наступлением черного пламени, не в силах отвести от него глаз. Вскоре на пути стихии оказалось окровавленное тело того самого бородача, сраженного Конаном в самом начале схватки.

Огонь — теперь он разгорался еще быстрее, яростно набросился на несчастного, и тогда случилось то, чего Конан, как ему казалось, уже не сможет позабыть никогда. Бедняга скорчился, потом забился на земле в страшных муках и жутко закричал! Незрячие глаза с мольбой уставились на киммерийца, а потом тело исчезло. На месте, где только что лежал убитый человек, воцарилась могильная ночь.

Кошмарный вопль, сорвавшийся с губ мертвеца, эхом отозвался в замершем лесу и прижал к земле жалкую кучку растерянных людей.

Кто-то бросился бежать... Конан даже не оглянулся.

"Сгорело то, что еще жило в его теле, — услышал Конан голос единорога. — Сгорела и его душа... В черном пламени горит все — земная твердь, души людей, души зверей, деревьев и трав".

Налетел неожиданный ветер. Он дул в спину варвару, прямо на черный огонь, и тот радостно пожирал эту новую пищу...

— Гонза! — заорал Конан, краем глаза заметив знакомую тщедушную фигурку, стоявшую на четвереньках. Он подошел к колдуну, и схватив его за воротник, рывком поставил на ноги. — Сделай так, чтобы этот проклятый огонь...

Невозможно, Конан, — варвар не сразу понял, что старик беззвучно плачет. — Сил всех земных магов не хватит, чтобы загнать черное пламя в ту Бездну, откуда оно явилось! О, Митра! Теперь ты не дождешься моей души, а быть может... — голос Гонзы упал до шепота. — И до тебя оно доберется... Ведь ты земной бог, а все, что с ней связано, должно неминуемо исчезнуть...

Конан содрогнулся. Он не боялся смерти, веря, что после нее его ждут у престола Крома, а на земле и без него как-нибудь обойдутся. Но теперь киммериец пытался себе представить, как может статься, что не будет не только земли и его, Конана — не будет вообще ничего.

Даже Богов.

Даже памяти о Земле...

И вот тут Конану впервые по-настоящему стало страшно.

Лежащие на поляне мертвецы один за другим пожирались ненасытным огнем. Их крики и стоны способны были довести оставшихся в живых до безумия.

— О, Мудрейшая! Ты! — рядом с Гонзой и Конаном оказался один из Стражей, единственный, оставшийся в живых.

"Я готова," — спокойно ответила Таврония.

Конан с изумлением взглянул на нее. Единорог вскинула голову и покосилась на варвара своим карим глазом то ли с жалостью, то ли с какой-то непонятной киммерийцу печалью. Но страха в ее взгляде не было.

"Держись за меня, Конан! Ухватись за шею — и крепко держись! Не отходи ни на шаг. А еще лучше... обними меня. Обними и не отпускай!"

Конан нерешительно положил руку на тонкую шею единорога.

"Крепче!"

Жар от пламени становился невыносимым, но он не походил на жар обычного огня. Черный огонь обжигал изнутри, выжигая и сердце, и душу.

Но прикосновение к нежной шелковой шкуре единорога неожиданно принесло облегчение. Конан слышал, как Таврония мысленно разговаривает с оставшимся в живых Стражем и Гонзой.

"Калев! — обратилась она к Бессмертному. — Встань ближе ко мне! Мне ведома твоя сила — она невелика. Но сейчас даже малая помощь может иметь решающее значение. Мы с тобой в этом мире чужие, и это повышает наши шансы на победу. А ты, Гонза... Гонза! Послушай меня!"

Старый колдун медленно поднял голову и долгим взглядом посмотрел в ее глаза. В его тусклых зрачках появился слабый огонек, будто жизнь, уже покинувшая тщедушное тело старика, снова вернулась к нему.

"Объединим наши силы. Ты был прав, говоря, что всей мощи земных колдунов здесь не хватит. Вашей магией пламя не остановишь. Но я и Калев не принадлежим земному миру. А ты... Ты один стоишь тысячи магов! Я это знаю, вижу твою Силу!"

Гонза подошел к ним и встал между Стражем и ею.

— Я всегда себя мнил лучше многих, — печально сказал он.

"Ты сам не знаешь пределов своих возможностей. Объедини свой разум с моим, и я покажу тебе твою истинную мощь! Если мы выступим вместе, то клянусь Началом Начал, остановим огонь из бездны!"

Гонза прикрыл глаза рукой и замер... потом он покачнулся и вскрикнул, как показалось Конану, с восторгом.

— Нам надо спешить, — отняв руки от лица, произнес чародей.

Киммериец взглянул на него и поразился происшедшим с магом переменам. Рядом стоял не мерзкий вертлявый, вечно хихикающий насмешник, не раздавленный и сломленный судьбой человек, смирившийся со своим поражением, а мудрый старец с ясным, умным взором.

Нам надо спешить, — рассеянно повторил Гонза и вдруг заговорил быстрой неразборчивой скороговоркой. — Я еще должен сказать пару слов киммерийцу... Не стану скрывать, Конан, что с самого начала я хотел использовать тебя как орудие, а затем убить и смочить твоей кровью лепестки Цветка, конечно, предприняв все необходимые меры предосторожности. Сейчас я не думаю, что мне бы удалось обуздать черное пламя... Прости меня, киммериец, и прощай!

— Пора, — сказала Таврония, и они вчетвером шагнули прямо в огонь.

Стена пламени поглотила их...

* * *

Конан спал, и ему снился сон.

Он вновь находился в том самом лесу, где рос Цветок, и где-то рядом с ним приоткрылась таинственная Дверь Миров.

Снова ослепительно ярко светило солнце и звонко пели птицы. Он шел куда-то, ни о чем не думая — нагой, безоружный — слыша чей-то далекий призыв, вернее страстный зов, которому сладостно было повиноваться. Он шел быстро, почти бежал, и ветки деревьев ласкали его мускулистое тело, возбуждая своими прикосновениями.

И вдруг появилась она... Робко, застенчиво выступила навстречу из-под темной сени листвы. Она была прекрасна. Даже в этом волшебном лесу красота ее казалась неземной.

Тоже обнаженная, она стыдливо прикрывалась рукой, но когда он подошел ближе, вдруг резко опустила руки и каким-то отчаянно ребяческим жестом, почему-то показавшимся ему до

боли знакомым, вздернула голову. Глаза ее оставались прикрыты длинными трепещущими ресницами, а томный блеск пламенеющих губ говорил о сильнейшем волнении.

Он подошел к ней и взял ее лицо в свои ладони.

Ресницы поднялись и, увидев самые прекрасные на Земле глаза, наполненные слезами, он весь затрепетал, и огонь пробежал по его жилам.

— Почему ты плачешь? — тихо и ласково спросил он.

Она отозвалась не сразу — просто не смогла справиться с волнением.

— Я боялась... боялась, что ты не примешь меня, — прошептали одни ее губы.

— Но кто ты? — спросил он.

— Твоя мечта... — она несмело улыбнулась.

— Разве можно не принять мечту?

— Тогда обними меня, обними меня крепко! — вдруг страстно прошептала она, и две тонкие руки обвились вокруг могучей шеи варвара. — Когда я увидела тебя в первый раз, ты спал — крепко, словно младенец, а неподалеку пасся твой конь... И вдруг из глубины ночи повеяло смертью. И я поняла, что ты — тот, кто вместе со мной способен встать на ее пути — и выстоять... Я не ошиблась...

— О чем ты говоришь? — удивленно спросил он, нежно прижав девушку к своей груди.

— Неважно, — улыбнулась она, — теперь это в прошлом. Поцелуй меня!

Как сладко в кронах пели птицы!

* * *

Конан очнулся, с трудом приподнялся и сел, тревожно оглядываясь по сторонам. Первое, что он увидел, был черный круг выжженной до камня земли, на границе которого он лежал. Немного в стороне стояла Таврония.

Белая шерсть ее стала пепельно-серой, легкое изящное создание, сейчас она была похожа на дремлющую старую лошадь у ворот живодерни... Но Таврония не спала. Когда Конан, морщась от боли, встал и подошел к ней, она повернула к нему голову с огромными, все понимающими глазами. Конан, увидев их, стиснул зубы, стараясь не выдать нахлынувших на него чувств.

— Ты смогла, — только и смог сказать он.

"Мы смогли, — поправила она. Ее голос прозвучал в голове киммерийца не серебряным колокольчиком, как прежде, а скрипом ржавых дверных петель".

— А Гонза и Страж...

"Погибли. Мы творили сильнейшую магию, чтобы одолеть черное пламя, но, черпая Силу из запретного Источника, заплатили высокую цену. Ты не чародей, тебе суждена еще долгая жизнь, а мы свой путь прошли до конца".

Конан стиснул кулаки.

— И ты... — голос киммерийца дрогнул.

"И я, — печально ответила единорог. — Вся разница лишь в том, что они уже умерли, а мне еще разрешено остаться. Сколько — не знаю, может день, может год... Я ведь не простая, болтливая лошадь, какой ты считал меня еще сегодня утром".

— Мудрейшая...

"Меня звали и так... У меня много имен и обличий".

Внезапно Конан вспомнил свой сон.

"Это был только сон", — тихо произнесла она.

Конан порывисто вздохнул. Разочарование было написано у него на лице.

Таврония опустила голову.

"Прощай, Конан из Киммерии. Мне пора уходить".

— Я пойду с тобой, — решительно заявил киммериец.

"Нет! У тебя иной путь, он начинается прямо сейчас. Иди и забудь обо мне! Иди же! Не заставляй меня страдать еще больше. Твой конь ждет тебя на опушке. Прощай!"

Он не смел с нею спорить, уходил, не оглядываясь, нашел своего коня и не встретил ни одного из наемников Гонзы.

И киммериец прошел свой путь: стал королем, чье имя гремело от Зингары до Кхитая, забыв черное пламя, Гонзу, Сорката и... ее.

* * *

Просидев всю ночь у костра, Конан вспомнил все. Вернее — почти все: то, что случилось с ним после того, как черное пламя, что поглотило четырех смельчаков, было подернуто вечным забвением.

Небо на востоке посветлело, и вскоре солнечные лучи рассеяли предрассветный туман. День обещал быть жарким. Конан встал, потянулся, с удовольствием ощущая каждый мускул своего могучего тела, и в задумчивости посмотрел на сладко спавшего Просперо — будить или еще слишком рано?

Воспоминания больше не терзали короля. Надо радоваться новому дню, еще столько незаконченных дел, поэтому нечего графу Пуантенскому спать так долго. Конан уже намеревался дружески ткнуть Просперо в бок, когда за его спиной вдруг подозрительно хрустнула сухая ветка.

Киммериец стремительно обернулся. На другом берегу ручья, всего в двух десятках шагов, он увидел лицо, обрамленное гривой иссиня-черных волос. Под густыми сросшимися бровями сверкали голубые, как вода северных озер, глаза, которые внимательно смотрели на него.

...молодой кентавр, полускрытый листвой высокого кустарника решил, что седой старый воин и его спящий спутник не стоят слишком уж пристального внимания, взбрыкнул копытами и исчез в буйных зарослях.

OCR: Vodevil (Мельник Юрий)

WWW.CIMMERIA.RU